

Edvard Munch

(1863-1944)

**«НИЧЬЯ РУКА, КРОМЕ РУКИ ВРЕМЕНИ, НЕ ДОЛЖНА
КАСАТЬСЯ ПОЛОТНА, ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО СМЕЕТ
ЧЕЛОВЕК, — ЭТО ВЫТЕРЕТЬ ПЫЛЬ».**

ЭДВАРД МУНК

Детство Эдварда нельзя назвать счастливым. Его отец, Кристиан Мунк, был военным врачом из известного норвежского рода. Женился он поздно, на дочери мелкого торговца Лауре Катрине Бьельстад. В их семье было пятеро детей. Семья жила в бедности и регулярно переезжала, меняя один дом в трущобах Христиании (ныне - Осло) на другой.

Болезнь и смерть — вот первое, что увидит юный талант в своей жизни. Когда Эдварду было пять лет, умерла его мать, и впавший в отчаяние отец ударился в болезненную религиозность. После потери жены Кристиану Мунку казалось, что смерть поселилась в их доме навсегда.

Пытаясь спасти души своих детей, он в самых ярких красках описывал им муки ада, говоря о том, как важно быть добродетельными, чтобы заслужить место в раю.

Лаура Катерина Мунк с детьми (Эдвард слева от матери), 1868 г.

Но на будущего художника рассказы отца производили совсем другое впечатление. Его мучили кошмары, он не мог спать по ночам, ведь во сне все слова религиозного родителя оживали...

«Мертвая мать»

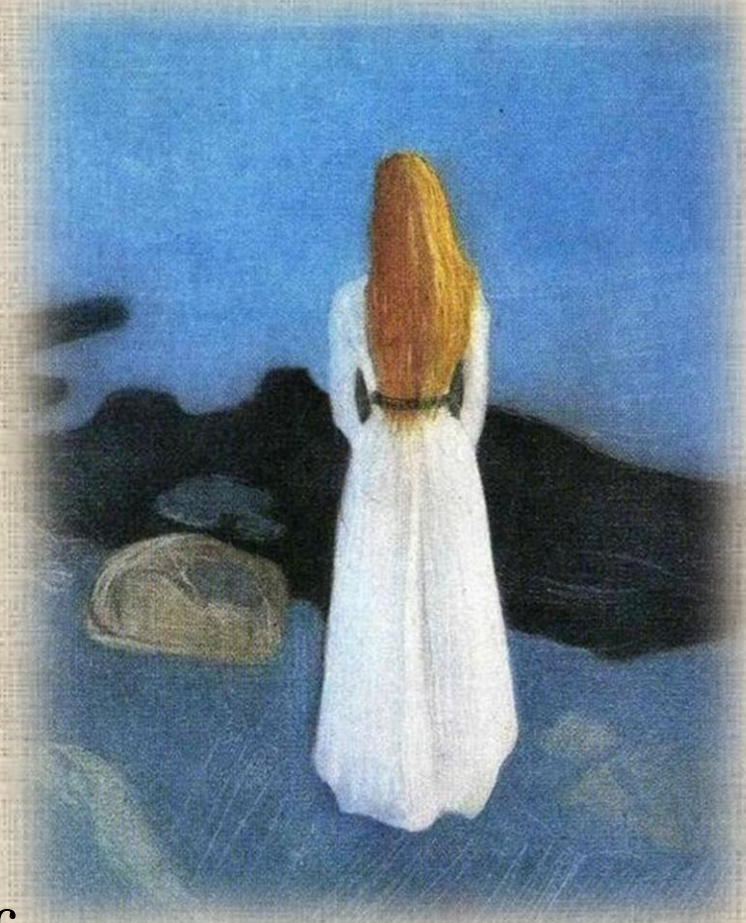
«Мать, которая умерла молодой, передала мне склонность к туберкулёзу, а легко возбудимый отец, набожный до фанатизма потомок старинного рода, посеял во мне семена безумия...»

«Болезнь, безумие и смерть — три ангела, преследовавшие меня с самого детства», - писал живописец позднее в своем личном дневнике. Согласитесь, что это было своеобразное видение божественной троицы.

«Часто я просыпался ночью, оглядывал комнату и спрашивал себя: «Не в аду ли я?»».

Единственным человеком, который пытался успокоить несчастного запуганного мальчика и дарил ему столь нужную материнскую заботу, была его сестра Софи. Но, похоже, Мунку на роду было написано терять все, что дорого. Когда художнику было пятнадцать, ровно через десять лет после смерти матери, сестра умерла.

Эдвард был очень слабым ребенком, его постоянно мучили бронхиты, месяцами из-за острого ревматизма он не вставал с постели, пропуская занятия в школе, которую так и не окончил...

«Молодая женщина на берегу», 1896

Тогда, наверное, и началась его борьба, которую он вел со смертью с помощью искусства.

Когда Мунк был юн, он думал, что рано или поздно это кончится — смех зрителей у его картин, крики: «Это не искусство!», возмущенные письма в газеты, грязные слова, которые бросали в лицо коллеги,

попытки объявить автора сумасшедшим, его живопись — бредовой галлюцинацией, мысли — нечистыми, дела не стоящими и гроша.

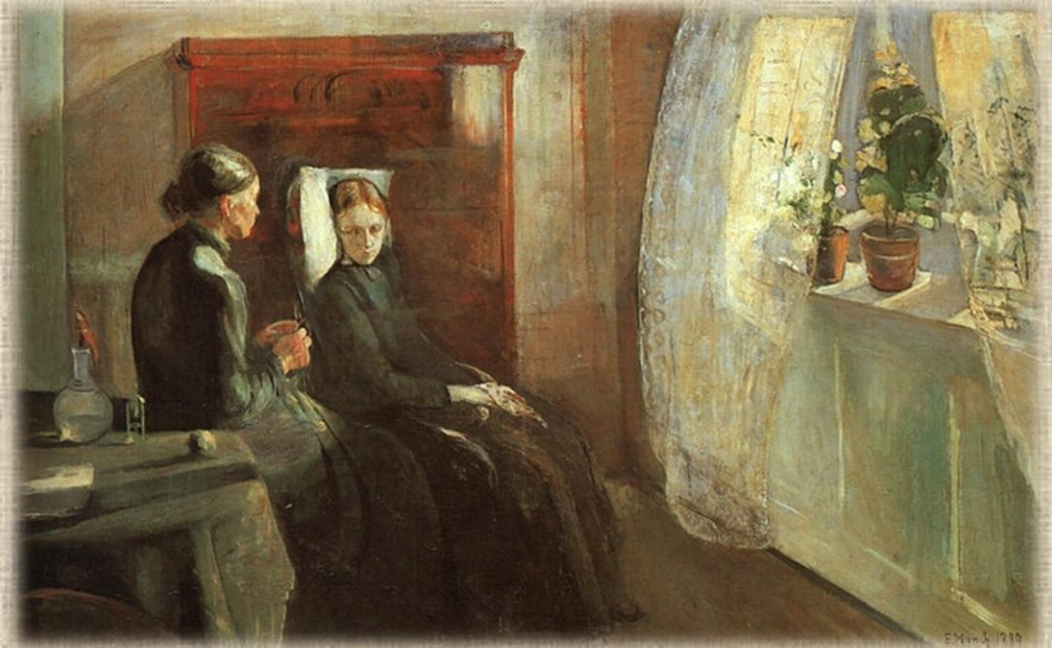
С первой его серьезной картины, с «Больного ребенка», где в темноте комнаты тонула бледная умирающая девочка, Мунка не щадил никто. Его хотели выгнать из страны, ему предлагали повеситься, его выставки закрывали, и длилось это долгих пятнадцать лет.

«Больной ребенок» (1886)

Фигура женщины в черном часто встречается в произведениях художника и олицетворяет собой смерть. Она склонилась перед умирающей головой и уже держит ее за руку. Но девочка смотрит не на нее, ее взгляд устремлен дальше. Да, кто, как не Мунк, понимал: настоящее искусство — это всегда взгляд за спину смерти.

Смерть старшей сестры послужила толчком для рождения его таланта, но расцвел он на фоне еще одной семейной трагедии. Именно тогда Мунк, до этого момента увлекавшийся импрессионизмом, пришел к абсолютно новому стилю и стал создавать картины, принесшие ему бессмертную славу.

«Весна», 1889

Еще одна сестра художника, Лаура, была помещена в клинику для душевнобольных, а в 1889 году от инсульта умер его отец.

Мунк впал в глубокую депрессию, от его семьи не осталось никого. С того момента он был абсолютно одинок, стал добровольным отшельником, удалился от мира и людей.

Многие люди находили спасение от своих внутренних демонов в любви, но не Эдвард Мунк. Для него любовь и смерть были равны. Уже получивший признание во Франции и внешне красивый живописец пользовался огромным успехом у женщин. Но он избегал любых долгих романов, думая, что такие отношения лишь приближают смерть.

В восприятии Мунка сексуальность — это могучая, но темная и опасная для человека сила. Поэтому тень, которую фигура девушки отбрасывает на стену, выглядит так неестественно.

«Созревание» («Переходный возраст»)

Она, скорее, напоминает призрак, злой дух. Любовь — это одержимость демонами, а больше всего демоны мечтают принести вред своей телесной оболочке. Так о любви не говорил еще никто!

«Вампир», 1893

Ему нужно было одиночество, его хрустальное королевство, в которое никому не было доступа. В котором только он — и его картины.

Он лгал себе: его королевство казалось привлекательным лишь ему самому. Женщины сбегали от Мунка: мало кто мог выдержать дурной характер Эдварда, его истерики, приступы паники, его странные поступки, его мизантропию...

«Все в мутную слилось тень;
То не было — ни ночь, ни день,
То было — тьма без темноты;
То было — бездна пустоты
Без протяженья и границ;
То были образы без лиц;
То страшный мир какой-то был,
Без неба, света и светил...»

Байрон.

Тулла Ларсен, рыжеволосая дочка богатейшего норвежского виноторговца, оказалась упрямее прочих.

«Ты должна понять, нервно писал он, сидя в номере дешевого отеля. — Наши отношения убивают брак, который еще может когда-нибудь состояться, должен быть организован **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА МОИХ УСЛОВИЯХ!** Мы будем жить как брат и сестра. В одном доме, но в разных комнатах. Ты будешь делать гравюры, я буду покупать тебе книги, чтобы развивать твой дух, сейчас, увы, совершении неразвитый».

Но и она ушла из жизни Мунка, оставшись на его картинах. Как наваждение — рыжая девушка с волосами Горгоны Медузы — на гравюрах, литографиях, портретах...

Он был с головы до ног опутан нитями прошлых отношений — и теперь за эти ниточки дергали бесы.

Мунку понадобилось несколько лет, чтобы прийти в себя.

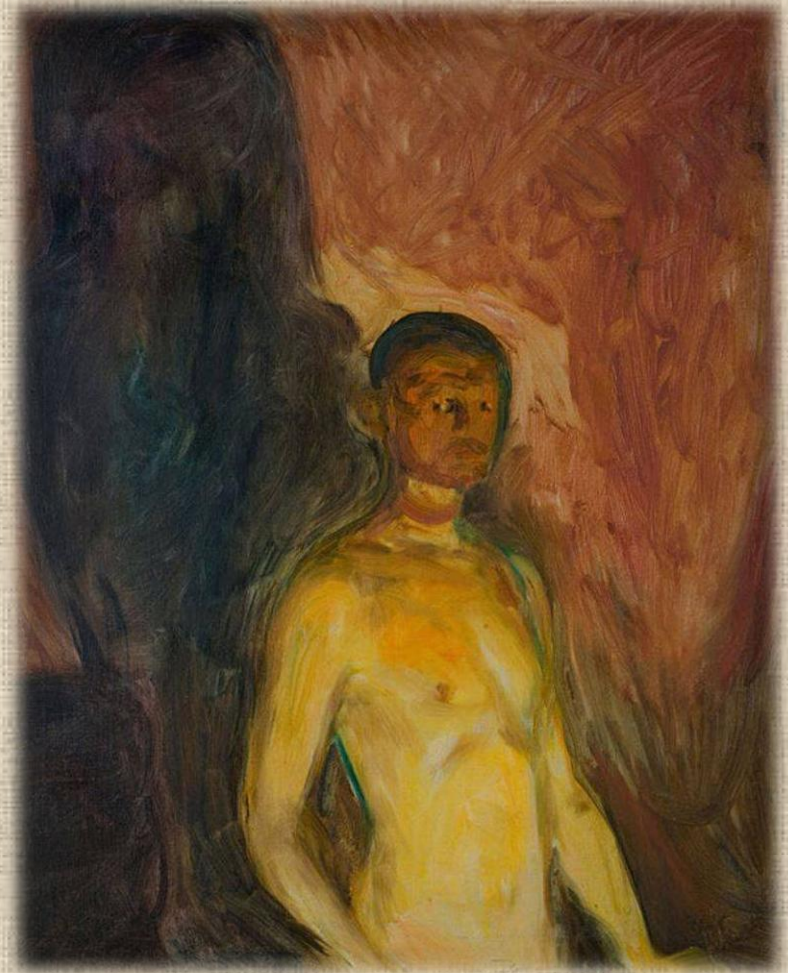
1901-й, 1902-й, 1903-й... — это были годы бессмысленных поступков, скандалов... Он не владел собой, ввязывался в какие-то нелепые драки, попадал на первые полосы газет. Пил неделями, падал в обмороки, нес чепуху, пугал знакомых. Рассказывал, что на него готовится покушение, что норвежцы пытаются убить проклятого художника. Мунк выглядел настоящим безумцем.

«Автопортрет в аду» — очень наглядно.

И только лечение в психиатрической клинике Копенгагена немного привело Мунка в чувство.

После одной из выставок какой-то молодой психиатр всерьез доказывал, что Эдвард Мунк попросту болен, и его живопись надо рассматривать исключительно как образец творчества умалишенных. Что ж, похоже, он был не так далек от истины...

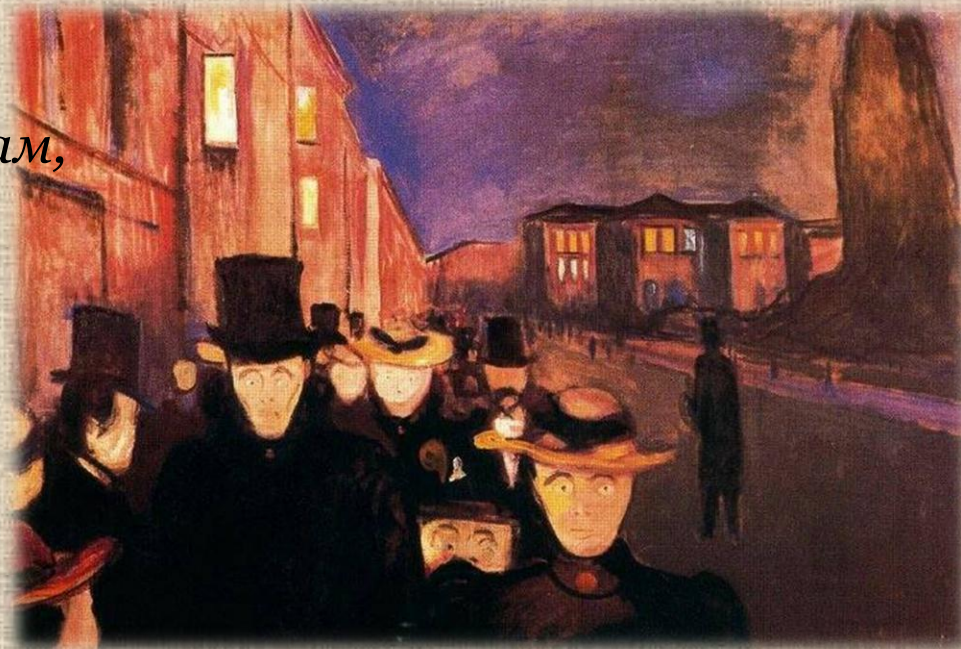
«Автопортрет в аду». 1903

«Вечер на улице Карла Юхана», 1892

*«И всюду сумасшедший бред.
Листами сонными колышим,
Он льется в окна, липнет к крышам,
Вздымает дыбом волоса...
И ночь, подобно самозванке,
Открыв молочные глаза,
Качается в спиртовой банке
И просится на небеса».*

Н. Заболоцкий

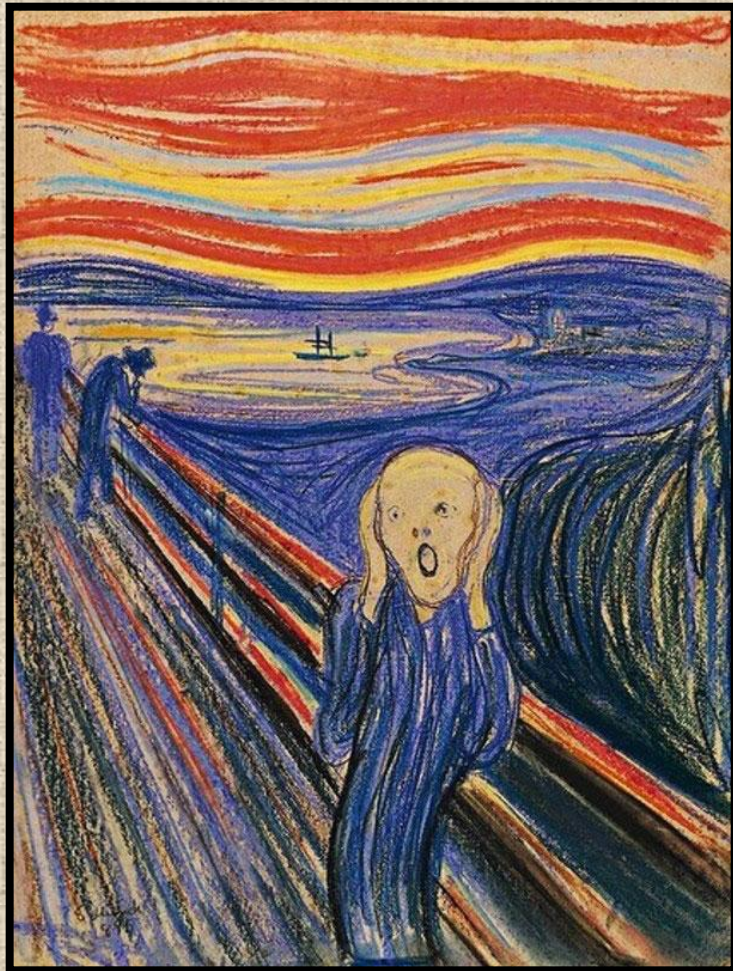

Люди с безликими масками вместо лиц, а поодаль – одинокая темная фигура, идущая в противоположном направлении — это, вероятно, сам художник...

В дневнике Мунк записал: «Прохожие кидают на него странные, многозначительные взгляды, он чувствует эти взгляды — они уставились прямо на него — эти лица — мертвенно-бледные в вечернем свете — он пытается уйти в свои мысли, но не может — ощущение пустоты в голове — он пытается смотреть куда-то вверх, на окно вдалеке — и снова прохожие заступают ему путь — он дрожит с головы до ног, весь в поту».

«Крик» , 1893 – 1910

«Я шёл по тропинке с двумя друзьями — солнце садилось — неожиданно небо стало кроваво-красным, я приостановился, чувствуя изнеможение, и опёрся о забор — я смотрел на кровь и языки пламени над синевато-чёрным фьордом и городом — мои друзья пошли дальше,

а я стоял, дрожа от волнения, ощущая бесконечный крик, пронзающий природу», — так Мунк описывает момент, когда он ощутил потребность выразить охватившие его чувства. Ведь первоначальное название на немецком, которое дал Мунк своей работе, было «Der Schrei der Natur» («Крик природы»).

«Крик» — может быть, самая характерная картина Мунка. От нее веет всепоглощающим страхом. Она показывает, как краски и линии пейзажа восстают против слабого и сверхчувствительного человека.

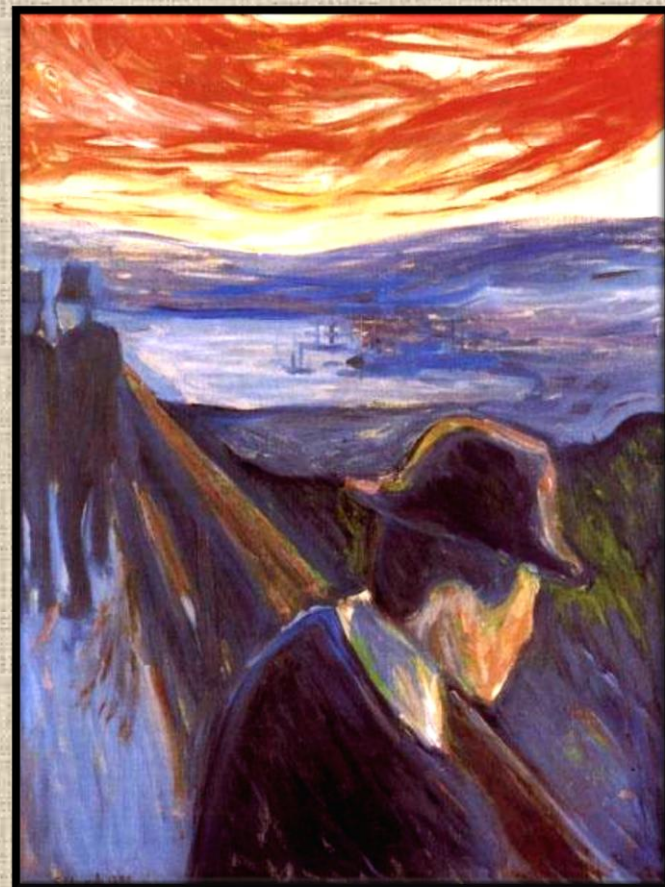
*«...Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодной игрой,—
Как бы прообраз боли человеческой
Из бездны вод встает передо мной».*

Н. Заболоцкий

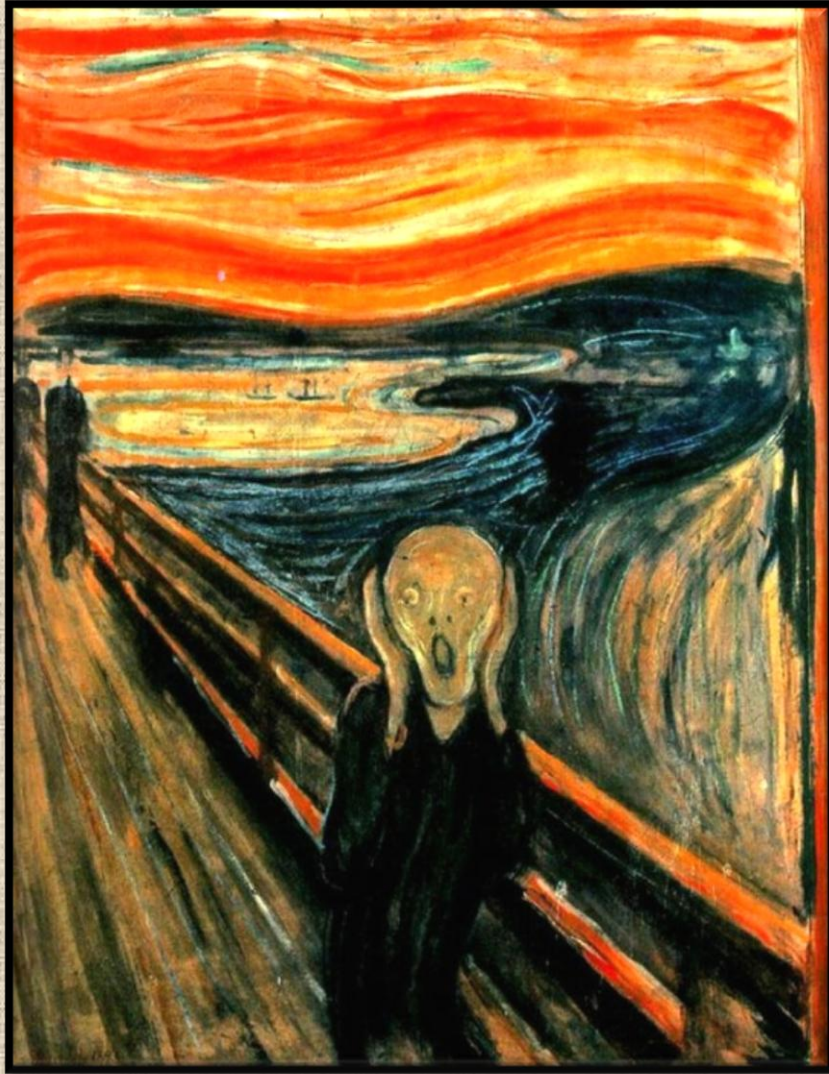
«Тревога»

Отчаяние. 1892

Однако, «Крик» в известных нам вариациях появился не сразу. Ему предшествовали полотна «Отчаяние», «Тревога» и «Меланхолия», в которых он пытался найти идеальный образ, который передаст то ощущение ужаса, то эмоциональное напряжение и тот самый кровавый закат.

«Крик» стал самой известной картиной Эдварда Мунка, и повсюду люди в ужасе отворачивались: эта работа их пугала.

«Такое мог написать только сумасшедший» - эту надпись один из пораженных зрителей оставил прямо на самой картине «Крик». С одним дополнением: такое, действительно, мог нарисовать только сумасшедший, вот только псих этот был гением.

Еще никому и никогда не удавалось выразить в незамысловатом образе столько эмоций, вложить в него столько смысла. От картины веет всепоглощающим страхом.

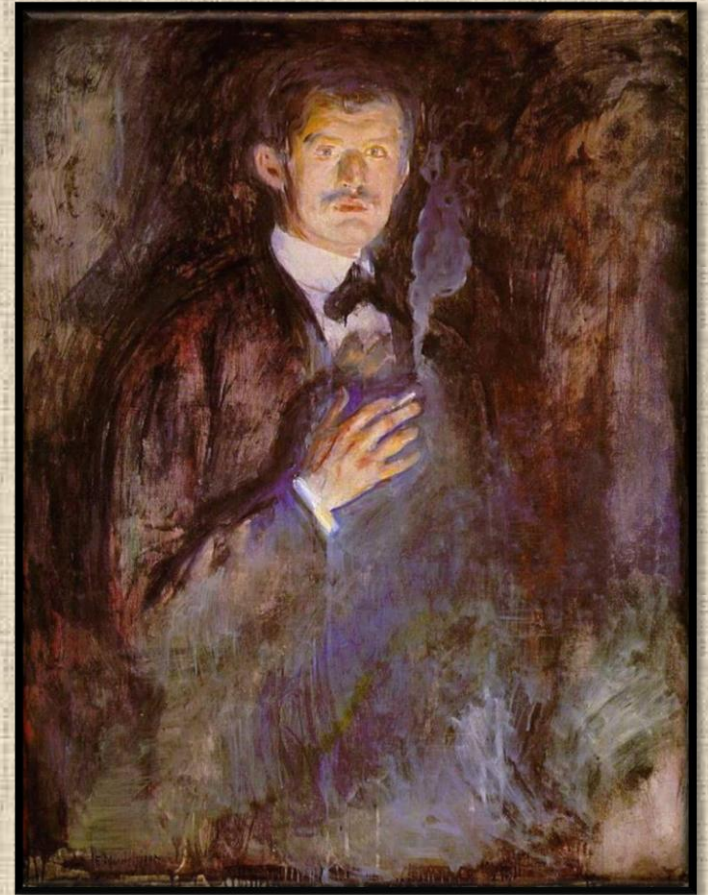
Перед нами настоящая икона, вот только говорит она не о рае, не о спасении, а об отчаянии, безграничном одиночестве и полной безнадежности.

Некоторые учёные выдвинули версию, что ярко-алый оттенок неба был связан с извержением вулкана Кракатау в 1883 году.

А может быть картина была отчасти плодом психического расстройства, ведь есть документальные сведения о том, что художник действительно страдал маниакально-депрессивным психозом.

Ведь однажды вечером Мунк вдруг почувствовал, что пейзаж его парализует. Линии и краски ландшафта двинулись к нему, чтобы удушить его. Он пытался закричать от страха, но не мог произнести ни звука. Он понял, что с ним что-то случилось, что нервы его перенапряжены. И все же не пошел к врачу. Хотел остаться в таком состоянии. Думал, что болезнь, натянутые нервы помогают ему писать.

Он не хотел быть обычным обывателем, потерять свою особую характерность. Он хотел быть художником Эдвардом Мунком.

*Автопортрет с зажженной сигаретой
Эдвард Мунк, 1895*

Место, которое описывает Мунк в своем «Крике», вполне реально. Это известная смотровая площадка за городом с видом на фьрд. Вот только мало кто знает о том, что осталось за пределами картины.

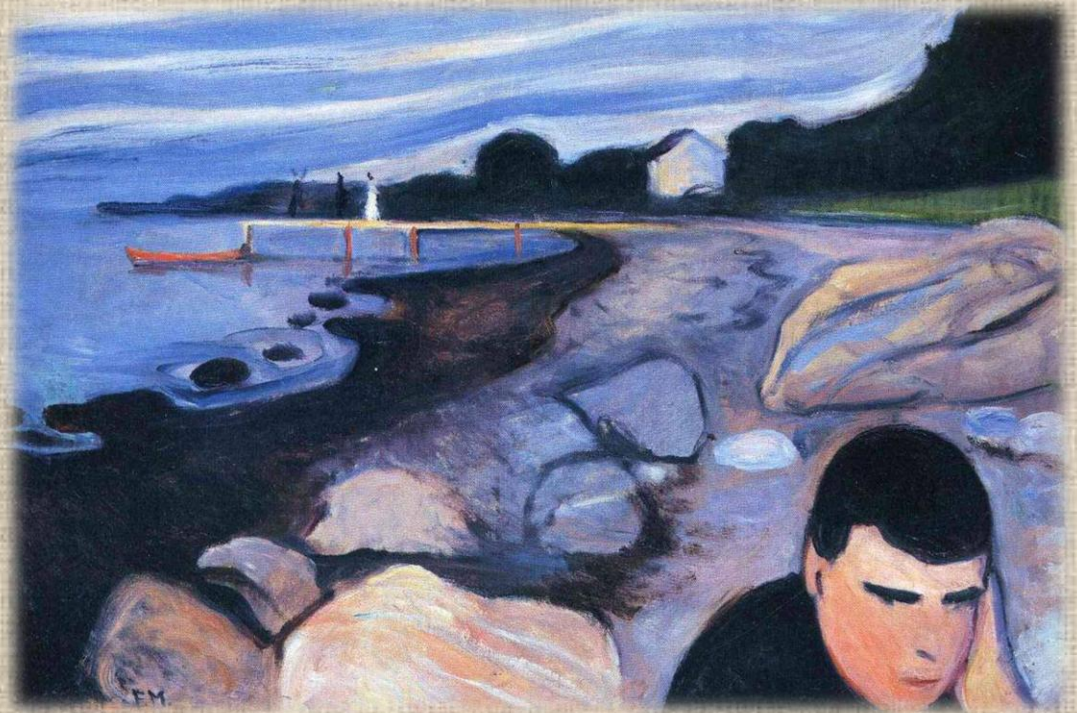

Внизу под смотровой площадкой справа находился сумасшедший дом, куда была помещена сестра художника Лаура, а слева — скотобойня. Предсмертные крики животных и вопли душевнобольных часто были спутниками великолепного, но пугающего вида северной природы.

Перед нами не фигура мужчины или женщины, перед нами последствие любви — душа, выброшенная в мир. И, оказавшись в нем, столкнувшись с его силой и жестокостью, душа способна только кричать, даже не кричать, а вопить от ужаса. Ведь выходов в жизни немного, всего три: горящие небеса или обрыв, а на дне обрыва — скотобойня и психушка.

Есть какая-то странная ирония в том, что он дотянул до восьмидесятилетия. Он, Эдвард Мунк, вечно больной, всегда кашлявший, подолгу лежавший в госпиталях, дважды едва не застрелившийся, чуть не сошедший с ума... Его дед умер молодым. Его отец умер молодым. Его мать умерла, не дожив до тридцати. Его сестра захлебнулась кровью в пятнадцать. Его младший брат умер на третьем десятке. Другая сестра много лет провела в психушке, погрузившись в отрешенное созерцание, и умерла, мрачно глядя в стену. Он сам столько раз стоял на краю могилы!

В Париже, в первой своей заграничной поездке, Мунк запишет в дневнике: «Я живу, окруженный мертвецами. Мама, папа, сестра, дедушка — они мне роднее всех и ближе всех. И всегда со мной».

Со временем привыкаешь ко всему. Когда живешь так долго, болезни становятся частью тебя — как и депрессии, и ноющие воспоминания. Мунк научился выдавливать их на холст, а в конце концов — обходиться вовсе без них: солнце светит так радостно, волны так красиво бьются о берег, и обратите внимание, как странно освещает солнце бревно, лежащее посреди леса, — оно ведь лимонно-желтое!

«Солнце». 1911

Восьмидесятилетие прошло незамеченным. Над виллой сгущались тучи, но Мунк не обращал на это решительно ни какого внимания. В январе 1944-го в прибрежных водах взорвался какой-то немецкий корабль — в вилле вылетели все стекла, но Мунк категорически отказался спускаться в подвал. Его не волновало, что на столе в гостиной намело горку снега, ему было наплевать на собственный кашель и возгласы служанки: «Боже, да у вас пневмония!»

Он бродил по дому, охваченный неожиданной мыслью: интересно, как он будет умирать? Смерть не пугала его — пугал лишь сам процесс умирания. Будет ли это больно? Превратится ли он во что-нибудь иное? Как выглядят последние минуты жизни, первые минуты смерти?

В шесть часов вечера 23 января 1944 года Эдвард Мунк узнал обо всем в точности.

«Автопортрет между часами и кроватью». 1942

**«Я БУДУ ПИСАТЬ ЛЮДЕЙ
ДЫШАЩИХ, ЧУВСТВУЮЩИХ,
ЛЮБЯЩИХ И СТРАДАЮЩИХ.**

**ЛЮДИ ДОЛЖНЫ ПРОНИКАТЬСЯ
СВЯТОСТЬЮ ЭТОГО И СНИМАТЬ
ПЕРЕД КАРТИНАМИ ШЛЯПЫ, КАК В
ЦЕРКВИ.»**

Источники:

Карвин Вуд «Среди серых камней» - Караван историй, октябрь 2007

Рольф Стенерсен. Эдвард Мунк : Серия «Жизнь в искусстве»; перевод Нины Крымовой – Искусство, 1972

